

СОЦИАЛЬНАЯ ПОЛИТИКА

«ПО СЛОЖНОСТИ — ЭТО РАБОТА, ПО СОСТОЯНИЮ ДУШИ — СЕМЬЯ»: ПРОФЕССИОНАЛИЗАЦИЯ ПРИЕМНОГО РОДИТЕЛЬСТВА В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

Жанна Владимировна Чернова^а
(zhchernova@hse.ru),
Мери Кулмала^б

^а Департамент социологии НИУ ВШЭ, Санкт-Петербург, Россия

^б Александровский институт, Хельсинкский университет, Хельсинки, Финляндия

Цитирование: Чернова Ж.В., Кулмала М. (2018) «По сложности — это работа, по состоянию души — семья»: профессионализация приемного родительства в современной России. *Журнал социологии и социальной антропологии*, 21(3): 46–70. <https://doi.org/10.31119/jssa.2018.21.3.3>

Аннотация. Статья направлена на социологическую разработку понятия заботы применительно к процессам профессионализации. Ее цель — анализ того, каким образом приемные родители, проживающие в детской деревне, определяют для себя смысл своей деятельности. Теоретической рамкой исследования является социологическая концептуализация заботы, которая позволяет ответить на вопросы: что такое забота как тип деятельности, кто осуществляет повседневную заботу, где она локализована, какова ее институциональная логика и культурные модели обоснования. Эмпирическими материалами выступили транскрипты пяти фокус-групп с приемными родителями, проживающими в детских деревнях (семейных городках), и трех полуструктурированных интервью с приемными родителями.

Рост интереса к изучению заботы в социологических исследованиях обусловлен проблемой «дефицита заботы», характерной для современных обществ. Глобальный тренд профессионализации заботы вообще и родительства в частности позволяет рассматривать ее как особый вид деятельности, требующий от исполнителя специализированных навыков и умений. Ее осуществление выходит за рамки домашней сферы и может происходить при участии ряда акторов: семьи, государства, рынка и третьего сектора. Приемное родительство выступает примером того, каким образом глобальный тренд профессионализации заботы проявляется в локальном контексте, обусловленном политикой деинституционализации сиротства, а также местом проживания (детская деревня).

Детская деревня — совместное проживание приемных семей — рассматривается в статье как особый режим заботы, включающий идеал заботы, институциональ-

ное устройство и практики заботы. Детская деревня — это форма долгосрочного воспитания детей-сирот, которая базируется на идеале семейной заботы и выстроена как альтернатива институционализированной форме (детскому дому). Принципиальным отличием детской деревни от других форм заботы о детях является ее пространственная локализация и социальная структура, наличие сообщества приемных родителей, а также характеристики самих приемных родителей (стаж, опыт воспитания трудных для устройства в «простые» семьи категорий детей, специализация).

Проблематизация заботы, осуществляемой приемными родителями, выражается во фрагментированности их представлений, выстраиваемых в рамках дихотомии «любовь — работа». Понимание заботы как любви происходит в категориях моральных предписаний, служения, что задает особую систему интерпретаций приемного родительства и логику родительских практик. Профессионализация приемного родительства мыслится как формализация, увеличение бюрократического контроля и потеря автономии семьи. Определение заботы в категориях работы позволяет приемным родителям рационализировать свою деятельность, проблематизировать статус приемного родительства в обществе. Профессионализация приемного родительства представляется как способ решения ряда проблем, с которыми сталкиваются родители, изменения отношения к приемным семьям, повышения статуса заботы в целом.

Ключевые слова: профессионализация приемного родительства, забота, режим заботы, деинституционализация.

Профессионализация родительства — важная тенденция как современной российской социальной политики, так и повседневной культуры. Под профессионализацией понимается процесс дискурсивного оформления родительства в виде сложной специализированной деятельности по заботе и уходу за детьми, требующей от матерей и отцов узконаправленных знаний (в области медицины, психологии, педагогики), приобретаемых ими в результате родительской социализации и обучения (Чернова, Шпаковская 2016). Вписанное в процессы индивидуализации и рефлексивной модернизации (Гидденс 2004), родительство перестает рассматриваться обществом как исключительно «естественная», биологически детерминированная социальная практика. Оно становится разнообразным как по стилю воспитания, идеологии родительства, содержанию родительских ролей, так и по формальным статусам, определяющим детско-родительские отношения. Таким образом, современное родительство определяется как сложный дискурсивный феномен, регламентируемый государственной политикой, культурными предписаниями и социальными нормами, которые проявляются в практиках заботы о детях.

Мы можем рассмотреть приемное родительство сквозь призму характеристик, на основе которых та или иная деятельность может быть определена как профессия: применение навыков, основанных на теоретических знаниях; образование и подготовка по этим навыкам, компетентность исполнителей, подтвержденная экзаменами, сертификатами, а также исполнение услуг ради общественного блага (Ловцова 2005). Так, согласно действующему законодательству как потенциальные усыновители, так и будущие приемные родители обязаны пройти специальные курсы в Школе приемных родителей (ШПР). Необходимость иметь сертификат об окончании ШПР, для того чтобы стать приемным родителем, свидетельствует о том, что воспитание детей — это не просто любовь и забота, а любовь и забота, требующая специальных профессиональных знаний и навыков. То, что приемные родители выполняют общественно значимую функцию, не вызывает сомнения. Таким образом, можно говорить о том, что признаки профессионализации присутствуют там, где исполнение родительских обязанностей не только контролируется, поощряется, но и оплачивается государством. Однако нас интересует социологический анализ понятия заботы в контексте профессионализации. Наш исследовательский вопрос состоит в том, чтобы проанализировать, каким образом понятие заботы как особый вид деятельности, осуществление которого требует специальных навыков, знаний и компетенций, увеличения числа акторов и контекстов ее реализации, определяется приемными родителями, проживающими в детской деревне.

Профессионализация заботы: глобальный тренд в локальном контексте

Происходящие изменения в сфере родительства определяются не только демографическими изменениями, плюрализацией брачно-репродуктивного поведения индивидов, модернизацией гендерных отношений, но и таким глобальным трендом, как профессионализация заботы. Современные общества сталкиваются с проблемой «дефицита заботы» как на глобальном, так и на локальном уровнях (Hochschild 2003). Это определяется тем, что забота становится общественным благом, недостаток которого, как по объему, доступу к его получению, так и по качеству получаемой заботы, определяется как проблема. Увеличение спроса на заботу выражается в том, что ее производство выходит за рамки домашней, семейной сферы и осуществляется все большим числом социальных акторов, обладающих специализированными навыками, умениями и знаниями.

Профессионализация заботы проявляется не только в том, что расширяется номенклатура профессий, связанных с осуществлением ухода

и обслуживанием нуждающихся (няня, сиделка, социальный работник), но и в том, что забота коммодифицируется, а также, наряду с правом на работу, входит в число базовых социальных прав граждан. Профессионализация заботы существенным образом переопределяет как идеалы заботы (моральные предписания относительно того, кто, о ком и почему должен заботиться), так и институциональное устройство (кто, где, когда и по каким правилам). В ситуации общего дефицита заботы «теплая», персонифицированная, неоплачиваемая домашняя забота, оставаясь желаемым идеалом, перестает быть единственно возможным вариантом удовлетворения потребности в этом виде человеческой деятельности. Профессионализация заботы позволяет перераспределять обязанности по ее осуществлению между разными социальными акторами в зависимости от потребностей и специфики получателей. Профессионализированная забота выходит за рамки семейной локализации, базируясь в государственных институтах, рыночных сервисах, организациях третьего сектора, что позволяет рассматривать ее в качестве работы, для выполнения которой требуется определенная квалификация и сертифицированные знания. Забота, выйдя за границы домашней сферы, приобретает публичный характер. Она становится подотчетной, когда качество предоставляемой заботы оценивается и контролируется внешними акторами на основе формальной бюрократической и/или рыночной логики.

Приемное родительство в этом контексте выступает одним из примеров социологического осмысления профессионализации заботы. Профессионализация приемного родительства может быть проанализирована в нескольких контекстах: деинституционализации системы заботы о детях-сиротах в целом; детской деревни (семейного городка) как места совместного проживания нескольких приемных семей, воспитывающих достаточно большое число (6–10) детей, относящихся к так называемым сложным категориям (подростки, дети с различными заболеваниями, сиблинги)*.

* Эмпирическим материалом, анализируемым в статье, являются транскрипты пяти фокус-групп с приемными родителями, а также трех экспертных с интервью с приемными родителями, проживающими в разных детских деревнях. В каждой фокус-группе приняли участие 11–12 человек, групповое обсуждение в среднем длилось около двух часов. Обсуждались вопросы, связанные с организацией заботы о детях-сиротах в детской деревне, проблемах приемного родительства. Эмпирические материалы были собраны в рамках проекта «Право ребенка на семью — деинституционализация системы защиты детей в современной России» (руководитель Мери Кулмала) в мае-июне 2017 г.

С 2014 г. в России проходит реформирование системы защиты детей, оставшихся без попечения родителей. Процесс деинституционализации актуализирует проблему профессионализации приемного родительства, демонстрируя отсутствие консенсуса в понимании этого типа заботы как на уровне политики государства, так и на уровне общественного мнения, культурных сценариев и представлений экспертов и самих родителей о том, что такое приемное родительство, в каких категориях оно определяется.

Политика деинституционализации заботы о детях-сиротах понимается в широком смысле. Это не только снижение числа детей-сирот, находящихся в учреждениях, и устройство их в семью (количественное измерение реформы), но и фундаментальное изменение на уровне «идеалов заботы» (Kremer 2006) и институционального дизайна социальной политики в отношении этой группы детей (Kulmala, Rasell, Chernova 2017). Идеал заботы, вокруг которого выстраивается нынешняя реформа, предполагает приоритет семейной формы устройства детей, оставшихся без попечения родителей, над всеми другими. Он поддерживается на уровне как реализуемой государственной политики, экспертного сообщества, так и общественного мнения, что позволяет говорить о фамелизации заботы как нормативном образце. На институциональном уровне происходит кардинальная перестройка самой системы (принципов работы государственных институтов). Она предполагает сокращение и/или реорганизацию существующих детских домов и превращение их в места временного пребывания ребенка, организованные по принципу семейной жизни и домашнего окружения (малые группы по 6–8 человек с двумя постоянными взрослыми).

Таким образом, глобальный тренд профессионализации, политика деинституционализации сиротства в современной России позволяют рассматривать приемных родителей как основных поставщиков заботы, а детская деревня является локусом профессионализации приемного родительства (Bogdanova 2017).

Социологический подход в исследованиях заботы

Теоретической рамкой исследования выступают социологические исследования заботы, которые стремительно развиваются в последние десятилетия, перемещая концепт заботы с периферии академического внимания в центр (Fine 2007; Rummery, Fine 2012; Здравомыслова, Темкина 2015; Чернова 2013). Социологическая концептуализация понятия заботы позволяет ответить на вопросы: что такое забота как тип деятельности, кто осуществляет повседневную заботу, где она локализована,

какова ее институциональная логика и культурные модели обоснования (Чернова 2011; 2013). В научной литературе сложились три подхода к определению концепта заботы: понятие, позволяющие описать специфический женский опыт; специфический тип отношений, складывающийся между субъектом и объектом заботы; особый вид работы, выполняемый в рамках определенных социально-экономических, политических и культурных отношений (Чернова 2013: 49). Мы будем опираться на последний и рассматривать заботу как особый вид работы, который включает в себя широкий спектр действий по осуществлению практик ухода и обслуживанию других. Анализируя заботу в таких категориях, исследователи указывают на следующие ее особенности.

Во-первых, осуществление заботы сопряжено с выполнением эмоциональной работы, паттерны которой заданы эмоциональной культурой общества. Такая работа персонифицирована, ориентирована на личность получателя, а также подчинена «правилам чувствования» (*feeling rules*) и «правилам выражения чувства» (*display rules*), т.е. эмоциональной культуре, которая включает представления о том, что люди должны чувствовать в различных ситуациях (Hochschild 1989). Также подобное понимание заботы позволяет определять ее в категориях труда любви (*love labour*) поскольку она выстраивается в логике близких, интимных отношений и оценивается с точки зрения моральных категорий, определяемых нормами культуры (Finch, Groves 1983; Hochschild 2003; Симонова 2013). Такая забота носит теплый по своей эмоциональной окрашенности характер и противопоставляется холодной, институциональной заботе, выстроенной в логике бюрократических процедур и стандартизированных требований контракта (Ungerson 2005).

Во-вторых, практики заботы рассматриваются как работа с особым содержанием и условиями труда (Здравомыслова, Темкина 2015: 543). Содержание труда предполагает комплексный уход за нуждающимся, т.е. удовлетворение его физических, материальных, интеллектуальных и эмоциональных потребностей на протяжении достаточно продолжительного периода времени. Это значит, что практики заботы рутинны, они складываются в определенные циклы. Но при этом действия заботящегося с трудом поддаются четкой однозначной операционализации, их конкретное содержание может быть описано в общих чертах и различаться в зависимости от контекста. Практики заботы жестко регламентируются моральными императивами и культурными предписаниями, выступающими в качестве регуляторов поведения как поставщиков, так и получателей заботы. Все это — комплексный характер действий наряду с их фрагментированностью, рутинностью и цикличностью, эмоциональной вовлечен-

ностью — делает данный вид работы сложным и трудноисчисляемым с точки зрения его оплаты. Представления о том, что для выполнения заботы не требуется особых знаний, навыков и специальных компетенций, подкрепленные гендерными стереотипами о том, что именно женщины являются лучшими поставщиками заботы, и гендерным неравенством в сфере как оплачиваемого, так и неоплачиваемого труда, также препятствуют рассмотрению заботы в категориях труда.

Третья характеристика заботы как труда связана с властными отношениями, которые возникают между поставщиком и получателем заботы. Многие исследователи привлекают внимание к неоднозначности статуса поставщика заботы. Его двойственность определяется тем, что индивид, осуществляющий уход и заботу, с одной стороны, занимает доминирующее положение по отношению к получателю, а с другой — сам находится в уязвимой позиции, поскольку его действия оцениваются и контролируются, а также не всегда рассматриваются в категориях работы. Фокусируя внимание на позиции поставщиков заботы, авторы отмечают, что поскольку забота имеет низкий статус в обществе, ассоциируется с женским трудом и часто рассматривается как естественное продолжение женских качеств, то она не рассматривается как работа. Поэтому кем бы ни были поставщики заботы и в каких бы контекстах ни осуществляли практики по уходу и обслуживанию близких (матери, няни, социальные работники и др.), они практически всегда сталкиваются с определенными ограничениями, которые накладываются на них из-за того, что именно они выполняют этот вид работы. Ограничения, или пенальти, по определению Н. Фолбер (Folbre 2001), связаны с низкой оплатой труда, низким социальным статусом, социальной исключенностью, нехваткой свободного времени и автономии, психологическим выгоранием.

Таким образом, приемное родительство рассматривается нами через категорию заботы. Она регулируется устойчивыми ценностно фундированными убеждениями относительно того, кто, как и на каких условиях должен ее выполнять (идеалы заботы в терминологии М. Кремер /Kremer 2006/), а также поддерживается институциональными правилами и предписаниями. Такое рассмотрение заботы позволяет выделить ряд характеристик для ее изучения:

- идеал заботы, т.е. дискурсивные представления о том, что такое хороший уход и воспитание, кто является наиболее компетентным субъектом заботы;

- локализация практик, связанных с уходом и заботой о зависимых гражданах (государственные институты, рыночные сервисы, семья, третий сектор);

— темпоральность: долгосрочная, краткосрочная и/или разовая забота;

— тип отношений, который складывается между поставщиком заботы и ее получателем. Здесь выделяют интимную заботу, которая осуществляется в семье и подчинена логике близких отношений; профессиональную заботу, локализованную в государственных, рыночных институтах и подчиненную правилам контракта, регулирующим данный вид деятельности, а также волонтерскую заботу (общественные организации, сообщества), которая регулируется сочетанием контрактных и моральных предписаний (Здравомыслова, Темкина 2015: 532);

— статус социальной заботы как на уровне общества в целом, так и на уровне конкретных институтов: является ли эта деятельность социально значимой и признаваемой в качестве работы, а следовательно, оплачивается она или мыслится в категориях внутрисемейной поддержки и морального долга одних членов семьи/общества по отношению к другим (Чернова 2013: 67).

В современных исследованиях подчеркивается не только сложный характер содержания и условий осуществления заботы, эмоциональная и властная составляющие этого вида деятельности, но и сложная констелляция акторов, обеспечивающих заботу в обществе. Локализация заботы больше не мыслится в рамках дихотомии «публичное — частное», а представляет собой ромб, который составляют семья, государство, рынок и третий сектор/общественные организации (Daly 2002; Daly Lewis 2000). Это означает, что режимы заботы, включающие ее идеологии (кто, о ком и почему), институциональное устройство (где, когда и по каким правилам) и практики заботы (как), каждый раз могут представлять собой определенную конфигурацию этих компонентов: с опорой на разных акторов, фрагментарностью и смешением идеалов заботы, а также многообразием паттернов ухода и заботы.

Детская деревня: профессионализация приемного родительства и режим заботы

Детская деревня (семейные городки)* — это форма долгосрочного воспитания детей-сирот, которая базируется на идеале семейной заботы и выстроена как альтернатива институционализированной форме (детскому дому). Детские деревни бывают разного типа: детские деревни SOS,

* В России существует более 10 детских деревень, или семейных городков, в которых проживают приемные семьи. Материалами для статьи послужили эмпирические данные, собранные в пяти детских деревнях (семейных городках).

деревни, выстроенные по типу коммуны, психотерапевтического сообщества приемных родителей. Некоторые из них — результат адаптации западного опыта, другие — частной благотворительности, третьи — самоорганизации и частных инициатив приемных родителей. Принципиальным отличием детской деревни от других форм заботы о детях является ее пространственная локализация и социальная структура. С точки зрения пространственной структуры детская деревня представляет собой пригородный или загородный жилой комплекс, который расположен на огороженной охраняемой территории и включает около 10 двухэтажных домов. Все дома построены по одному архитектурному проекту и оборудованы всем необходимым для проживания многодетной семьи (мебель, бытовая техника). Общая площадь дома может варьироваться от 100 до 160 кв. м. В каждом доме проживает одна приемная семья со своими детьми (кровными и приемными). Также на территории детской деревни находятся помещения и места для публичного пользования (школа, образовательный центр, столовая, административное здание, детская и спортивная площадки). Доступ к этой инфраструктуре открыт не только для жителей детской деревни (приемных родителей и детей), но и для семей, проживающих в непосредственной близости.

Социальная структура детской деревни может быть разной и зависит от ее организационной истории. Можно выделить следующие элементы:

— модель семьи, взятая за образец воспитания. В большинстве случаев приемные семьи, проживающие в детских деревнях, — это семьи, состоящие из двух приемных родителей и 6–10 кровных и/или приемных детей;

— способы построения сообщества приемных родителей (мотивы приемных родителей при переезде в детскую деревню, критерии отбора потенциальных жителей деревни); статус приемных родителей в детской деревне и связанные с ним ресурсы;

— способы построения сообщества приемных родителей могут быть разными и варьироваться от степени формализованности: конкурсный отбор, осуществляемый командой специалистов, администрацией деревни; социальные связи и рекомендации приемных родителей, уже проживающих на территории деревни; личный опыт волонтерства в деревне; жизненный выбор в пользу подобного стиля жизни;

— статус приемных родителей в деревне также может различаться по степени формализованности. Они могут быть работниками НКО, школы как образовательного учреждения, исполнителями услуг (с точки зрения правовых отношений с учредителями деревни), участниками неформального сообщества приемных родителей. С точки зрения прав собствен-

ности на дом, в котором проживает семья на территории детской деревни, только в одном случае приемные родители являлись реальными или потенциальными собственниками коттеджа, во всех других случаях — это аренда помещения на длительный срок.

— организационная структура детской деревни — наличие администрации, специалистов, работающих в деревне, но при этом не являющихся приемными родителями и не проживающих на территории деревни.

Таким образом, детская деревня может быть рассмотрена как особый режим заботы, который пространственно достаточно четко локализован, а также представляет собой конфигурацию нескольких социальных акторов, участвующих в осуществлении заботы: семья, государство и общественные организации. С точки зрения темпоральности в данном случае речь идет о продолжительной по времени заботе. Изучение этого режима заботы позволит понять, как устроена модель заботы о детях-сиротах, находящаяся между институциональными (детские дома) и фамилизированными (приемные семьи) формами. Можно предположить, что контекст проживания в детской деревни, сам факт наличия сообщества приемных родителей — социального актора, выполняющего контролирующую и поддерживающую функцию по отношению к конкретным семьям — актуализируют проблему профессионализации приемного родительства и определяют то, каким образом приемные родители понимают свой статус и содержание родительской роли.

Модель детской деревни выстроена на основе идеала о семейной заботе как наилучшей форме воспитания детей-сирот. При этом существенно различаются представления как самих приемных родителей, так и специалистов, работающих в деревне, о том что такое приемное родительство. С одной стороны, оно мыслится как выполнение морального долга, определенного альтруизма, граничащего с жертвенностью. С другой стороны, важным является профессионализм приемного родительства, признание его трудом и включение его наравне с другими формами заботы в рыночные отношения, нацеленные на личную выгоду.

Дилемма совмещения моральных и рыночных оснований актуальна для любой общественно-значимой деятельности, связанной с благотворительностью и заботой. Однако модель заботы о детях-сиротах, представленная в детской деревне, накладывает свою специфику на понимание приемными родителями того, что они делают. Социальная структура детской деревни предполагает присутствие в повседневной жизни семей помимо сообщества приемных родителей еще и специалистов, которые оказывают им (родителям и детям) различного рода консультационные услуги. Приемные семьи, проживающие на территории деревни, пред-

ставляют собой сообщество, ресурсами которого могут воспользоваться приемные родители (эмоциональная поддержка, обмен опытом и знаниями). Большая вовлеченность специалистов, а также других приемных родителей в повседневную жизнь в деревне, делает проблему автономии и контроля жизни семьи крайне важной при определении того, что такое приемное родительство. В том случае если оно рассматривается как любовь и не мыслится в категориях работы, то присутствие специалистов, работников деревни, а также других приемных родителей крайне болезненно переживается приемными родителями.

Далее мы рассмотрим, в каких категориях приемные родители, проживающие в детских деревнях, определяют для себя ту деятельность, которой они занимаются.

Приемное родительство — это любовь:
«Детей сначала любишь, а потом думаешь,
деньги там, не деньги, статусы, не статусы»

В данном случае приемное родительство, как и родительство вообще, определяется в категориях любви, служения, морального долга: *«Родитель — это когда ты мой ребенок, я тебя люблю, ты мой сын. И сын тебя любит, потому что он принял тебя как родителя... мы родители, потому что мы берем детей, мы их усыновляем в сердце»* (фокус-группа 3). Моральный императив родительства, главным образом материнства, сопряжен с жертвенностью, готовностью поступиться своими интересами ради благополучия ребенка, альтруизмом и готовностью к долгосрочному вовлеченному действию, ориентированному на потребности другого, а также с удовлетворением от этой деятельности. Такой подход в понимании практик и отношений заботы определяется как нормативный. Он задает определенный идеал заботы и логику, лежащую в основе практик ухода и воспитания. В рамках подобного подхода забота, которую осуществляют приемные родители, не рассматривается как избыточный труд, а, напротив, понимается как этическая ценность, имеющая экзистенциальное значение. Она наделяется позитивным смыслом и рассматривается как условие достойного человеческого существования (Здравомыслова, Темкина 2015: 569). Респонденты определяют смысл приемного родительства как морального принципа, обусловленного культурными особенностями и религиозной этикой православия: *«Большинство — это люди, которые готовы принимать ребенка в сердце. Возможно, это российский менталитет, может быть, на Западе это по-другому, но русский человек принимает ребенка в сердце навсегда»* (фокус-группа 3).

Логика хорошей заботы-любви опирается на персонифицированные, доверительные отношения между родителями и детьми, исходит из альтруистического чувства заботящегося, его ответственности за благополучие ребенка: *«Когда я брала первого ребенка, то было такое, что мне бы хотелось детям помочь. У кого нет шансов устроиться»* (фокус-группа 3). Приемные родители, определяющие заботу в категориях моральных ценностей, этики заботы, подчеркивают, что не делают никаких различий между кровными и приемными детьми. Рассказывая о своем опыте приемного родительства, респонденты нормализуют его, используя аналогии с биологическим родительством: *«Это как бы был первый. После него, буквально через 9 месяцев, как полагается, состоялась вторая беременность и роды приемные»* (фокус-группа 3).

Для респондентов базовой является сама идея о том, что существуют этические принципы, которые лежат в основе приемного родительства и которые существенно отличаются от принципов утилитаризма, бюрократической и рыночной логики. Согласно респондентам, которые исходят из такого понимания приемного родительства, принципы заботы должны быть распространены на работу социальных институтов, организаций, занимающихся данной проблематикой, лечь в основу государственной политики в отношении семьи и детства: *«У нас, у приемных родителей, очень хорошая позиция, потому что по отношению к детям мы родители. Детям все равно, кто мы: усыновители, опекуны, попечители, приемные родители. Мы для них родители, и другое их не интересует. А по отношению к государством мы воспитатели, когда тебе начинают объяснять, что это твоё хобби, ты приходишь и говоришь: “Нет, друг мой. Ты и я одной крови. Мы с тобой выполняем одну общую задачу — забота о детях”. Потому что наши дети подлежат особой защите государства, и мы с вами вдвоем эту самую защиту сейчас выполняем, поэтому с этого стула не слезешь, пока не защитишь»* (фокус-группа 3). Образцы этики заботы находятся в сфере семьи, в пространстве домашнего мира, практиках материнства, дружбы и сестринства (Noddings 2002).

Странники этой позиции отрицательно относятся к профессионализации родительства. Во-первых, респонденты высказывают сомнения относительно того, что в принципе родительство как любовь к ребенку можно адекватно измерить, поскольку это чувство привязанности и заботы, которое является целостным и не сводится к набору конкретных четко определенных стандартизированных действий. Во-вторых, заботу, основанную на любви, невозможно формализовать, подчинить бюрократической логике, которая требует стандартизации родительских практик и подотчетности приемных родителей: *«Это уже не контроль,*

а в достаточной мере вмешательство в семейные вопросы, в том числе с определением образовательных маршрутов, оздоровительных маршрутов, с подбором систем воспитания, то есть родительские функции здесь заменяются функциями воспитательскими» (фокус-группа 3). Сама постановка вопроса о возможной профессионализации приемного родительства, попытки обсуждения его в категориях работы вызывают у респондентов, которые разделяют такую этику заботы, целый ряд критических аргументов.

В первую очередь, решая политические задачи по сокращению детей, находящихся в детских домах, государство передает социальных сирот в приемные семьи, в то время как уровень материальной, сервисной поддержки приемным родителям останется прежним. В качестве примера респонденты приводят реформу системы заботы о детях-сиротах, когда на изменение системы выделяются большие бюджетные деньги, проблема реформирования активно обсуждается в публичном дискурсе, в то время как выплаты приемным родителям не увеличиваются, а в СМИ репрезентируется образ меркантильного приемного родителя, рассматривающего социальных сирот как способ наживы (случай семьи Дель): *«Конечно, пошатнула в этом году нас история с семьей Дель. Она, конечно, очень серьезно вскрыла. Озвучили-то зарплату московские, а нас, конечно, все стали сразу спрашивать: “Неужели вы такие деньги получаете?” А у нас, конечно, даже 1/10 нет таких денег. А озвучили именно Москву, естественно. Тут встал вопрос о меркантильности»* (фокус-группа 2).

Далее, профессионализация приемного родительства несет в себе опасность того, что государство, а именно органы опеки, с одной стороны, директивно, а с другой стороны, произвольно, т.е. не спрашивая самих приемных родителей, помещают детей в семьи без учета ресурсов принимающей семьи, особенностей ребенка: его возраста, состояния здоровья, наличия сиблингов. То есть профессиональные родители должны обслуживать интересы государства/опеки и не имеют возможности выбора ребенка, которого они хотят взять на воспитание. В такой ситуации, когда забота рассматривается как профессиональная деятельность, родители опасаются того, что государство еще больше будет их эксплуатировать: *«А меня еще в профессиональной приемной семье пугает опять же государство, потому что оно навешивает обязательств»* (фокус-группа 4).

Кроме того, увеличение контроля государственных органов за приемными семьями: *«Государство дает ребенка и говорит: “До свидания. Мы к вам придем контролировать. А вы как хотите, так и барахтайтесь”, то тогда у органов способов контроля будет больше»* (фокус-группа 2). Так, респонденты приводили примеры о новых, цифровых, способах

мониторинга ситуации в приемных семьях, к которым прибегают работники опеки. Последние заставили всех приемных родителей зарегистрироваться в Инстаграме и регулярно публиковать там фото и видеозаписи, документирующие жизни детей.

Еще одним аргументом против профессионализации родительства является представление приемных родителей о том, что такой подход — это западный опыт, и он нерелевантен российскому контексту и ценностным представлениям о родительстве. При этом модель fosterных семей описывается как некий конвейер по перемещению детей из одной семьи в другую: *«Временное пребывание ребенка у конкретных двух взрослых, то есть это профессиональная семья, в которую привели за ручку и сказали: “Держите”»* (фокус-группа 4). Fosterная семья как форма заботы оценивается отрицательно исходя из перспективы ребенка, так как он не успевает встраиваться в существующую систему семейных отношений, выстроить долгосрочные отношения с заботящимися о нем взрослыми: *«Или это будет только форма пребывания, как в хостеле? Да, там есть мама и папа. Ты приходишь в хостел, тебе нужно оттарабанить месяц или два, сказать, хочешь ли ты там остаться. Они профессионально тебя приняли, радушно улыбнулись, ну и отправили»* (фокус-группа 4). Представленная выше аргументация по сути — требование автономии приемных родителей от государства. Основой такой автономии является этика заботы, представление о заботе как о любви, которую невозможно регламентировать формальными предписаниями, подчинить бюрократической логике, контролировать извне. Только сами приемные родители могут обеспечивать такую форму заботы и утверждение ее истинности по сравнению с другими способами организации и осуществления заботы о детях-сиротах.

Таким образом, система смыслов, вокруг которых выстраивается данная позиция приемных родителей, базируется на морально-этических категориях любви, служения, призвания и предназначения. В этом случае респонденты стремятся подчеркнуть символическую значимость того, что они делают, акцентировать свою уникальность как личности, обладающей определенной системой ценностей, неким природным даром, теплотой, ресурсом, позволяющим любить, заботиться и воспитывать приемных детей. При этом они соглашаются, что очень сложно операционализировать любовь как конституирующую категорию приемного родительства. Апелляция к моральным категориям дает им определенную уверенность в правильности сделанного выбора, выполняет смыслообразующую функцию. Однако забота о других затратна, повседневное выполнение правит заботы накладывает определенные ограничения на поставщиков заботы —

пенальти заботы, к которым в данном случае относятся нехватка свободного времени и личной автономии, барьеры профессионального роста и самореализации, эмоциональное выгорание (Folbre 2001). Понимание заботы как любви, базирующейся на альтруизме и самопожертвовании, также усиливает фрустрацию, ощущение недооцененности того, что делают приемные родители, как со стороны общества в целом, так и со стороны близких, знакомых, а также воспитанников.

Приемное родительство как профессия: «это навык, компетенция, знания»

Данная смысловая конструкция базируется на представлении о том, что приемное родительство может и должно рассматриваться в категориях формализованной трудовой деятельности, предполагающей наличие сертифицированных знаний, контрактных отношений и оплаты труда. В этом случае забота рассматривается как труд, т.е. особый вид деятельности с точки зрения содержания и условий его осуществления, его выполнение требует от поставщика заботы определенных знаний и компетенций, эмоциональной работы. Соответственно, как и любая другая работа, она должна быть оплачиваемой. Такое представление о заботе исходит из того, что приемные родители определяют себя как профессионалов, во-первых потому что у них есть базовое профессиональное образование, связанное с воспитанием, во-вторых, у них есть стаж работы — продолжительный опыт приемного родительства большого числа детей, относящихся к сложным категориям, например дети с серьезными ОВЗ, подростки. Наличие профильного образования способствует тому, что приемное родительство мыслится в категориях работы, только в данном случае речь идет о применении профессиональных знаний и навыков в сфере воспитания социальных сирот.

Приемные родители, которые определяют себя как профессионалы, основываясь на опыте, считают, что родительство становится трудом, когда в семье воспитывается большое количество детей (пять и более приемных детей): *«И только спустя семь лет мы решили взять детей (на тот момент в семье было уже два приемных ребенка. — Авт.). Взяли троих деток, вот. И здесь начался действительно труд. Я оставила работу, работала я заведующим детским садом и воспитателем. Мне пришлось. И именно вот желание помочь детям, уже профессионально»* (фокус-группа 1). В этой ситуации осуществление заботу становится основным занятием главным образом женщин, которые должны выполнять не только работу по дому, уход за детьми, но и возить детей по детским учебным заведениям, кружкам, а также медицинским центрам: *«Мы*

действительно не можем работать, мы осуществляем уход за детьми, воспитание, реабилитацию, развозку. Мы развозим детей в 5 школ» (фокус-группа 5). Вторым важным компонентом профессионализации родительства является стаж приемного родительства. Во всех исследуемых детских деревнях одним из формальных критериев отбора было наличие опыта приемного родительства от трех до пяти лет. И наконец, показателем профессионализма, по мнению респондентов, становится то, что именно приемные родители, проживающие в детских деревнях, берут на воспитание детей из так называемых сложных категорий: подростков, детей с проблемами психического и/или физического здоровья, сиблингов, т.е. детей, требующих не только особой заботы, но и специальных знаний и навыков у воспитывающих их взрослых. Именно такое сочетание: количество детей, их характеристики, — а также опыта самих родителей является профессионализмом приемных семей: *«Маленьких детей воспитывать — это одно, а когда у тебя подростки — это уже совершенно другое»* (фокус-группа 3).

Кроме этого, позиционирование себя как профессиональных приемных родителей зависит от возраста. Женщины старше 40 лет скорее относятся к приемному родительству как к работе. Это объясняется как этапом их жизненного цикла (возраста), так и спецификой женского опыта, связанного с биологическим и приемным родительством. Пересечение возрастных и гендерных особенностей обуславливает позицию респонденток, которые посвятили воспитанию детей достаточно много времени, часто в ущерб карьерному продвижению, что предопределило их более слабые позиции на рынке труда (низкая оплата труда, высокий риск безработицы). Для них профессионализация своего женского опыта и женских компетенций как матерей является способом не только получать оплату за свой труд, но и заниматься социально-значимой деятельностью. Также для некоторых из них изменение отношения к выполняемой ими деятельности, рационализация того, что они делают, помогает справиться с психологическим выгоранием, сложностью выполняемого ими эмоционального труда: *«Я когда осознала, что это работа, мне было легко»* (фокус-группа 1).

Профессионализм, по мнению респондентов, означает, что они как приемные родители постоянно находятся в процессе поиска новой информации, получения новых знаний о том, как лучше воспитывать детей, чтобы их деятельность по осуществлению заботы была более успешной и результативной.

Осмысление респондентами приемного родительства в категориях работы актуализируется, когда речь идет о проблемах, с которыми стал-

квиваются приемные родители при организации заботы о детях-сиротах. Именно тогда становятся востребованными знания, навыки и компетенции, которые могут быть использованы для решения конкретных проблем, возникающих при осуществлении повседневных практик заботы: *«Ответить на вопрос, что делать с ребенком, который пахнет не так, как твой родной. Вот для меня это профессия. Отдельный вопрос, как этому научить»*. Приемные родители говорят о том, что обучение в школе приемных родителей (ШПР), которое с 2012 г. стало обязательным для всех кандидатов, желающих усыновить/взять ребенка под опеку, важный и необходимый шаг для профессионализации: *«Я считаю, что “люблю” и “знаю” — это такие вещи, которые соединяются потом. Когда рождается ребенок, мама же тоже ничего не знает. Она его видит — счастлива, а потом начинаются сложности. И начинаешь знания какие-то накапливать и опыт. Мне кажется, здесь важна школа приемных родителей: это то, что надо поднимать, они дают этот профессионализм, потому что в ШПР чаще всего приходят воодушевленные, а уходят за ребенком не все 100 процентов. Там как раз мозги и вправляют. Это классно, но бывает вот это, вот это и так далее. Люди начинают задумываться — это классно. Потом спустя какое время могут приходиться. Это и есть профессиональный подход к делу, когда у тебя есть учитель, который тебе рассказывает, как оно»* (фокус-группа 3).

Вместе с тем они подчеркивают, что посещение такой школы не должно быть разовым действием. Приемные родители нуждаются в регулярном обучении новым знаниям, потому что воспитание — это процесс, что предполагает постоянное совершенствование знаний о родительстве не вообще, а в контексте заботы о конкретном ребенке, имеющем свои гендерные, возрастные, физические и социально-коммуникативные особенности, например опыт пребывания в «системе», т.е. с разным набором проблем, которые меняются по мере взросления ребенка. Особенно в таких знаниях нуждаются те родители, которые по факту уже выступают как профессионалы, так как берут на воспитание детей трудных категорий (подростки, дети с проблемами психического и/или физического здоровья): *«Если у тебя специфика в подростках, то ты, допустим, раз в год-два должен иметь возможность хотя бы чему-то поучиться по подросткам. Если дети с ОВЗ, то в этой сфере чему-то поучиться»* (фокус-группа 2).

Помимо знаний и компетенций, которыми должны обладать профессиональные приемные родители, в групповых интервью неоднократно поднимался вопрос о статусе приемных родителей. Под статусом в данном случае понимается наличие официального места работы (запись в трудо-

вой книжке), заработной платы, трудового стажа, а также другие поддержки в соответствии с трудовым законодательством (больничный, отпуск, пенсия). Практически все респонденты, вне зависимости от того, каким образом они определяют для себя приемное родительство, высказывали неудовлетворенность тем, каким образом сейчас регулируется деятельность приемных родителей: «А вот как бы обманули вас» (фокус-группа 1).

С чем связана такая оценка? В первую очередь с отсутствием должного признания важности выполняемой приемными родителями работы со стороны государства: «Мы услугу государству оказываем — мы забираем у государства детей, мы им даем больше, чем детский дом. Это доказано. Но государство детскому дому за ребенка платит 30 тысяч в неделю, а я получаю 7,5 тысяч в месяц за одного ребенка» (фокус-группа 2). Во-вторых, с недостаточным, неадекватным уровнем трат на ребенка и сложности выполняемой работы размером выплат: «Если, не дай Боже, что-то случится, если мой муж ломает себе что-нибудь и будет вынужден не работать, мы по миру пойдем, потому что мы на эти деньги не выживем никогда в жизни. Это нормально? У нас нет ни ДМС, ничего такого. Я про взрослых, про родителей. Мы уже не молодеем, а государству до фонаря. Главное — осуществить контроль над ребенком» (фокус-группа 2). Приемные родители считают, что государству выгодно пропагандировать приемное родительство, параллельно закрывать детские дома, потому что приемные семьи обходятся дешевле, чем финансирование институтов, выполняющих функции заботы о детях-сиротах. Ведь в случае институциональной заботы государство должно выделять средства на содержание инфраструктуры, выплачивать зарплаты сотрудникам детских домов, обеспечивать им социальный пакет, а приемные родители получают только вознаграждение. Сам термин «вознаграждение», по мнению респондентов, отправляет к тому, что приемные родители оказывают некую добровольную дополнительную услугу, за которую получают деньги. Кроме того, отсутствие адекватной оплаты труда и правового признания статуса поставщиков заботы приводит к тому, что престиж приемного родительства, как и других профессий сферы заботы, остается низким.

Проблематизация статуса приемного родителя для многих участников проекта произошла именно после того, как они стали жить в детской деревне («попали в проект»). Это обусловлено, во-первых, тем, что переезда в детскую деревню подавляющее большинство приемных родителей работали. Но с переездом (практически все детские деревни находятся за городом), увеличением числа приемных детей в семьях (в ряде детских деревень существуют формальные и неформальные правила, регламентирующие количество приемных детей, так называемая напол-

няемость семей, т.е. детей должно быть много, не два-три ребенка на воспитании в одной семье) большинство женщин, а иногда и мужчин перестали работать. В этой ситуации отсутствие формального статуса воспринимается ими крайне болезненно, расценивается как унижительная ситуация: *«Очень унижительно, если честно. Когда заполняешь какие-то бумаги. Кем вы работаете? А никем». «Мужчина у нас как бы никто»* (фокус-группа 1). Во-вторых, отсутствие формального статуса работника усложняет для них процедуру получения кредитов в банке: *«Вот нам понадобилась вроде машина, детей возить невозможно на машине пятиместной. Хотели взять кредит. А кем вы работаете? Дала справку от НДФЛ, а все равно не дали. А мы никто и звать никак»* (фокус-группа 1). В-третьих, отсутствие формального статуса, по мнению респондентов, ставит их в худшие условия с точки зрения получения социальных гарантий, по сравнению с официально работающими, например относительно будущей пенсии. В целом приемные родители воспринимают свою деятельность, связанную с заботой о детях, как вредную для здоровья: *«Но мы сейчас не имеем стажа, а для пенсии это немаловажно, именно вот года стажа. Не зарплата там, а именно стаж. Мы здесь не защищены. Вдобавок ко всему мы, конечно, сейчас губим свое здоровье и окажемся действительно без пенсии. С маленькой пенсией»* (фокус-группа 1).

Профессионализация приемного родительства представляется респондентам способом решения этих проблем. Вместе с тем в качестве ключевых уязвимых сторон профессиональной приемной семьи они отмечают риски эмоционального выгорания родителя, временный характер пребывания ребенка, который не позволяет сформировать открытые и полностью доверительные отношения с родителями, чрезмерное увеличение размера семьи за счет роста числа приемных детей. В числе негативных контекстуальных факторов, затрудняющих развитие института приемных родителей ими выделяются пробелы в нормативно-правовой базе, незакрепленность прав и обязанностей профессиональных родителей, их социальная незащищенность, устойчивость общественных стереотипов, которые подкрепляются медийными образами приемных родителей как корыстных, ориентированных исключительно на получение денег от государства, и детей-сирот как социально неадаптивных, девиантных, относящихся к группе риска.

Заключение

Профессионализация родительства представляет собой глобальный тренд, направленный на восполнение ситуации дефицита заботы, который сложился в современных обществах, ввиду усложнения данного вида

деятельности, требующего специализированных знаний, навыков и компетенций от заботящегося, а также расширения числа акторов, участвующих в ее выполнении, и мест по ее осуществлению. В этом контексте приемное родительство выступает ярким примером того, каким образом глобальные изменения, а также локальные контексты влияют на переопределение представления о заботе. Исследования реформы системы заботы о детях-сиротах, происходящей в современной России, позволяют проанализировать, каким образом на уровне государственной политики происходит смена идеала и институционального устройства заботы.

Социологические подходы к изучению заботы позволяют рассматривать ее как специфический женский опыт; особый тип отношений между субъектом и объектом заботы, а также как тип деятельности, обусловленный институциональной логикой и культурными моделями, ее определяющими. Аналитическая рамка последнего подхода позволяет исследователям фокусировать внимание на заботе как на работе, обладающей специфическим содержанием и условиями труда, эмоциональными и властными измерениями, пронизывающим данный вид деятельности.

Детские деревни представляет собой режим заботы, который базируется на идеале семейной заботы как долгосрочных отношений между приемными родителями и детьми, имеет четкую географическую локализацию и включает ряд социальных акторов, вносящих вклад в осуществлении заботы о детях: приемные семьи, государство и общественные организации. Тип отношений, который складывается между поставщиком заботы и ее получателем, имеет смешанный характер. С одной стороны, забота осуществляется в семьях и подчинена логике близких, теплых, персонифицированных отношений. С другой стороны, она подчинена правилам государственных институтов, стремящихся к формализации и подотчетности данного вида деятельности работникам органов опеки и попечительства, специалистам, работающим с семьями. При этом не менее значимым регулятором практик заботы является сообщество приемных родителей, которое играет двоякую роль: как поддержка и как еще один уровень контроля за поведением приемных родителей. В связи с этим важным для понимания становится статус заботы не только в обществе в целом, но и на уровне конкретных институтов — детской деревни. Проблематизация статуса заботы связана с представлением приемных родителей о содержании той деятельности, которую они осуществляют: является ли она социально значимой и признается в качестве работы или мыслится в категориях морального долга, любви, служения.

Анализ эмпирических данных демонстрирует противоречивость представлений приемных родителей о заботе, выстраиваемых в рамках дихотомии «любви — работы». Представление о заботе как о любви понимается в категориях моральных предписаний, служения, что задает особую систему интерпретаций приемного родительства и логику родительских практик. В этом случае отрицается сама возможность формализации заботы, подчинения ее правилам контракта, бюрократическим и рыночным предписаниям. При таком рассмотрении возможность профессионализация родительства ставится под сомнение, поскольку влечет за собой больший контроль над поведением родителей, потерю семьей автономии за счет практически полной подотчетности государству. Кроме этого, тенденция профессионализации рассматривается как западный опыт, нерелевантный особой российской этике заботы. Понимание заботы как любви увеличивает не только возможные штрафы заботы, но и усиливает фрустрацию, субъективное ощущение недооцененности вклада приемных родителей в благополучие детей-сирот.

Представление о заботе как о работе разделяется теми приемными родителями, которые имеют образование, связанное с воспитанием, а также теми, кто считает себя профессионалами исходя из опыта приемного родительства детей из трудных категорий. Профессионализация родительства используется ими как способ рационализации заботы, усиливает потребность в специализированных знаниях о родительстве и навыках ухода за детьми. Приемные родители, позиционирующие себя как профессионалы, не удовлетворены низким статусом заботы в обществе, который воспроизводится на уровне как стереотипов, так и мер социальной политики. Профессионализация родительства рассматривается ими как способ изменения ситуации. Таким образом, в детской деревне как сообществе приемных родителей формируется особый режим заботы, обусловленный общей локальностью и долгосрочностью практик заботы, приоритетом теплой, персонифицированной семейной заботы как нормативного представления о лучшем способе воспитания детей-сирот. При этом низкий статус заботы в обществе, отсутствие социальной конвенции о мотивах приемных родителей, а также гегемония государства в сфере заботы о детях-сиротах заостряет дилемму совмещения моральных и рыночных оснований такого вида деятельности.

Литература

- Гидденс Э. (2004) *Трансформация интимности*. СПб.: Питер.
Здравомыслова Е., Темкина А. (2015) *12 лекций по гендерной социологии*: учеб. пособие. СПб.: Изд-во ЕУСПб.

Ловцова Н. (2005) Профессионализация родительства: политика, теория и практика. *Антропология профессий*. Под ред. П.В. Романова и Е.Р. Ярской-Смирновой. Саратов: ЦСПГИ; Научная книга: 432–460.

Симонова О. (2013) Эмоциональный труд в современном обществе: научные дискуссии и дальнейшая концептуализация идей А.Р. Хохшильд. *Журнал исследований социальной политики*, 11(3): 339–354.

Чернова Ж. (2011) Кто, о ком и на каких условиях должен заботиться? Гендерный анализ режимов заботы и социальной политики. *Журнал исследований социальной политики*, 9 (3): 295–318.

Чернова Ж. (2013) *Семья как политический вопрос: государственный проект и практики приватности*. СПб.: Изд-во ЕУСПБ.

Чернова Ж.В., Шпаковская Л.Л. (2016) Профессионализация родительства: между экспертным и обыденным знанием. *Журнал исследований социальной политики*, 14(4): 521–534.

Bogdanova E. (2017) Russian SOS Children's Villages and Deinstitutionalisation Reform: Balancing between Institutional and Family Care. *The Journal of Social Policy Studies*, 15(3), 395–406.

Daly M. (2002) Care as a Good in Social Policy. *Journal of Social Policy*, 31: 251–270.

Daly M., Lewis J. (2000) The concept of Social Care and the Analysis of Contemporary Welfare States. *British Journal of Sociology*, 51(2). P. 251–270.

Fine M. (2007) *Caring Society? Care and the Dilemmas of Human Service in the 21st Century*. Houndmills: Palgrave.

Finch J., Groves D. (ed.) (1983) *A Labour of Love: Women, Work, and Caring*. L.; Boston, MA: Routledge & Kegan Paul.

Folbre N. (2001) *The Invisible Heart: Economics and Family Values*. N.Y.: New Press.

Hochschild A. (1989) *The Second Shift: Working Parents and the Revolution at Home (with Anne Machiung)*. N.Y.: Viking.

Hochschild A. R. (2003) *The Commercialization of Intimate Life: Notes from Home and Work*. San Francisco; Los Angeles: University of California Press.

Kremer M. (2006) The Politics of Ideals of Care: Danish and Flemish Child Care Policy Compared. *Social Politics: International Studies in Gender, State and Society*, 13(2): 261–285.

Kulmala M., Rasell, M., & Chernova Z. (2017). Overhauling Russia's Child Welfare system: Institutional and Ideational Factors behind the Paradigm Shift. *The Journal of Social Policy Studies*, 15(3): 353–366.

Noddings N. (2002) *Starting at Home. Caring and Social Policy*. Berkeley: Univ. Press.

Rummery K., Fine M. (2012) Care: A Critical Review of Theory, Policy and Practices. *Social policy and administration*, 46(3): 321–343.

Ungerson C. (2005) Care, work and feeling. *The Sociological Review*, 53: 188–203.

“IN ITS COMPLEXITY IT’S WORK, IN ITS SOUL IT’S FAMILY”: PROFESSIONALIZATION OF FOSTER PARENTING IN CONTEMPORARY RUSSIA

Zhanna Chernova^a (zhchernova@hse.ru),
Meri Kulmala^b

^a Higher School of Economics, St. Petersburg, Russia

^b Aleksanteri Institute, University of Helsinki, Finland

Citation: Chernova Zh., Kulmala M. (2018) “Po slozhnosti — eto rabota, po sostoyaniyu dushi — sem’ya”: professionalizatsiya priyemnogo roditel’stva v sovremennoy Rossii [“In its complexity it’s work, in its soul it’s family”: professionalization of foster parenting in contemporary Russia]. *Zhurnal sotsiologii i sotsialnoy antropologii* [The Journal of Sociology and Social Anthropology], 21(3): 46–70 (in Russian). <https://doi.org/10.31119/jssa.2018.21.3.3>

Abstract. This article is a sociological investigation of the concept of care, particularly in terms of professionalization of (parental) care. The aim of the article is to analyze how foster parents who live in children’s villages make sense of their parenting activities for themselves. Sociological conceptualization of care serve as the theoretical framework for our research, which allows us to answer questions, such as: what is care as an activity; who is supposed to provide mundane care; what is the locus of care; what kind of an institutional logic and cultural models of justification it is connected with. Our analysis is based on the empirical research in five children’s villages in which we conducted focus groups with foster parents living in those children’s villages (family campuses) and three semi-structured thematic interviews with foster parents which all were recorded and transcribed.

Due to “deficit of care”, a problem characteristic to modern societies, there is growing interest in sociological analysis of care. The global trend towards professionalization of care in general and professionalization of parenting in particular makes it possible to consider care as a particular kind of activity, which requires special skills and knowledge from the performer of care activity. This activity is beyond the private sphere and it can be performed by a number of actors: family, the state, the market and/or the third sector. Foster parenting is a good example of how the global trend of the professionalization of care is applied in a local context under the conditions structured by the deinstitutionalization policy of care for children left without parental care and by the particular environment of living, namely a children’s village.

The children’s village — collective living of foster families — is understood in this article as a particular regime of care, which consists of the following elements of care: ideals of care, its institutional setting and concrete caring practices. Children’s villages are a form of long-term upbringing of children left without parental care orphans. This particular form is based on the ideal of care in family opposed to institutionalized form of care (orphanage).

The key difference of a children's village from other forms of care for this category of children is its very special spatial locus and social structure, intensive presence of foster parent community and special features related to foster parents themselves (such as the length of experience in foster parenting and in raising such children that face difficulties to be placed in "ordinary" foster families, specialization of caring certain categories of children).

The studied foster parents problematize the performed care by perceiving their activity through a tension which can be viewed as a love-work dichotomy. Their understanding of caring as love over the foster children in their families can be categorized as moral conducts and mission calling. These leads to a certain system of interpretations over foster parenting and the logic of practicing parenthood and concrete parenting practices. The professionalization of foster parenting is perceived as formalization and increasing bureaucratic control and thus as a loss of autonomy of a family. Understanding of care over foster children as work in turn allows foster parents to rationalize their activities and to question the official status of a foster parent in Russian society. Professionalization of foster parenting serves as a way to address a number of problems that parents face, attitude changes toward fostering and increasing the status of care in general.

Keywords: foster parenting, professionalization, care, care regime, deinstitutionalization.

References

- Bogdanova E. (2017) Russian SOS Children's Villages and Deinstitutionalisation Reform: Balancing between Institutional and Family Care. *The Journal of Social Policy Studies*, 15(3), 395–406. <https://doi.org/10.17323/727-0634-2017-15-3-395-406>
- Chernova Zh. (2011) Kto, o kom i na kakikh usloviyakh dolzhen zabotit'sya? Gendernyy analiz rezhimov zaboty i sotsial'noy politiki [Who should care for whom and under which conditions? Gender analysis of care regimes and family policy]. *Zhurnal issledovaniy sotsial'noy politiki* [The Journal of Social Policy Studies], 9(3): 295–318 (in Russian).
- Chernova Zh. (2013) *Sem'ya kak politicheskiy vopros: gosudarstvennyy proyekt i praktiki privatnosti* [Family as political question. State project and private practices]. Saint-Petersburg: EUSP Press (in Russian).
- Chernova Z., Shpakovskaya L. (2016) Professionalizatsiya roditel'stva: mezhdru ekspertnym i obydenym znaniem [The Professionalization of Parenthood: Between Common Sense and Expert Knowledge]. *Zhurnal issledovaniy sotsial'noy politiki* [The Journal of Social Policy Studies], 14(4): 521–534 (in Russian).
- Daly M. (2002) Care as a Good in Social Policy. *Journal of Social Policy*, 31: 251–270.
- Daly M., Lewis J. (2000) The concept of Social Care and the Analysis of Contemporary Welfare States. *British Journal of Sociology*, 51(2): 251–270.
- Fine M. (2007) *Caring Society? Care and the Dilemmas of Human Service in the 21st Century*. Houndmills: Palgrave.
- Finch J., Groves D. (ed.) (1983) *A Labour of Love: Women, Work, and Caring*. London; Boston, MA: Routledge & Kegan Paul.
- Folbre N. (2001) *The Invisible Heart: Economics and Family Values*. New York: New Press.

- Giddens E. (2004) *Transformatsiya intimnosti* [The Transformation of Intimacy]. St. Petersburg: Piter (in Russian).
- Hochschild A. (1989) *The Second Shift: Working Parents and the Revolution at Home* (with Anne Machiung). New York: Viking.
- Hochschild A. R. (2003) *The Commercialization of Intimate Life: Notes from Home and Work*. San Francisco; Los Angeles: University of California Press.
- Kremer M. (2006) The Politics of Ideals of Care: Danish and Flemish Child Care Policy Compared. *Social Politics: International Studies in Gender, State and Society*, 13(2): 261–285.
- Kulmala M., Rasell, M., & Chernova, Z. (2017). Overhauling Russia's Child Welfare system: Institutional and Ideational Factors behind the Paradigm Shift. *The Journal of Social Policy Studies*, 15(3): 353–366. <https://doi.org/10.17323/727-0634-2017-15-3-353-366>.
- Lovtsova N. (2005) Professionalizatsiya roditel'stva: politika, teoriya i praktika [Professionalization of parenthood: policy, theory and practice]. *Antropologiya professiy* [Anthropology of professions] Ed. by P. Romanov, E. Iarskaia-Smirnova. Saratov: 432–460 (in Russian).
- Noddings N. (2002) *Starting at Home. Caring and Social Policy*. Berkeley: Univ. Press.
- Rummery K., Fine M., (2012) Care: A Critical Review of Theory, Policy and Practices. *Social policy and administration*, 46(3): 321–343.
- Simonova O. (2013) Emotsional'nyy trud v sovremennom obshchestve nauchnyye diskussii i dal'neyshaya kontseptualizatsiya idey A. R. Khokhshil'd [Emotional work in contemporary society, scientific discussions and further conceptualization of ideas A. Hochschild]. *Zhurnal issledovaniy sotsial'noy politiki* [The Journal of Social Policy Studies], 11(3): 339–354 (in Russian).
- Ungerson C. (2005) Care, work and feeling. *The Sociological Review*, 53:188–203.
- Zdravomyslova E., Temkina A. (2015) *12 lektsiy po gendernoy sotsiologii: uchebnoye posobiye* [12 Lectures on gender sociology]. St. Petersburg: EUSP Press (in Russian).